

С Л О В О

**въ пятокъ первой недѣли Великаго Поста, при
воспоминаніи страстей Господнихъ.**

*Миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ: не
якоже миръ даятъ, Азъ даю вамъ (Іоан. XIV, 27).*

Мы собрались сюда вспомнать страданія и крестную смерть нашего Спасителя и Господа. Мысли христіанина весьма естественно при этомъ случаѣ обращаются къ тѣмъ словамъ, въ которыхъ божественное человеколюбіе передавало своимъ ученикамъ послѣдніе завѣты своей промыслительной благодати. Много знаменательныхъ наставленій, утѣшеній и обѣтованій заключаетъ въ себѣ прощальная бесѣда съ присными своимъ того Учителя любви, котораго быть вѣрнымъ послѣдователемъ должно составлять главное стремленіе каждаго изъ людей, Имъ призываемыхъ къ свѣту божественной мудрости, и въ дни тяжелыхъ исцнтаній, такъ часто посѣщающихъ насъ, десятки поколѣній и въ нихъ тысячи страдальцевъ черпади къ ней неизсякаемую силу оживленія и ободренія для своей изнемогающей души.

Въ настоящій день, когда, по возбужденію церкви, совѣсть наша съ тревожнымъ и сокрушеннымъ чувствомъ стоитъ предъ множествомъ нашихъ язвъ душевныхъ, и когда мы ищемъ

примиренія и съ Богомъ и съ самими собою и съ ближними нашими, одно дорогое слово изъ послѣдней бесѣды Спасителя вспомнилось намъ, и мы, повинувась внушенію чувства, вызываемаго днями покаянія, имъ предназначали свою бесѣду съ вами. Это слово составляетъ, можно сказать, средоточіе и душу всѣхъ утѣшеній, такъ трогательно изложенныхъ Спасителемъ въ часъ разлуки своей съ учениками, и никогда не должно бы быть забываемо нами. Оно обѣщаетъ и даетъ намъ то благо, въ которомъ болѣе всего нуждаемся мы. *Миръ оставляю въ міръ, миръ Мой даю вамъ.*

Миръ драгоценное слово, самое лучшее украшеніе нашей жизни на землѣ. Онъ свидѣтель и неразлучный спутникъ правильнаго теченія нашего бытія и добраго строя всѣхъ его отношеній; въ немъ условіе успѣшнаго благопріятнаго развитія силъ нашихъ. Жизнь считаютъ борьбою, за которую неизбѣжно слѣдуютъ побѣда и пораженіе, пріобрѣтеніе и утрата. Но наше сердце не перестаетъ мечтать о блаженствѣ тишины и покоя, и наша воля для того вступаетъ въ опасную борьбу, для того принимаетъ напряженный и изнуряющій подвигъ, чтобы въ концѣ концовъ добиться хотя минуты спокойнаго наслажденія жизнью. Мятѣжная игра стихійныхъ силъ, давящихъ и ломающихъ все, поддающееся ихъ дѣйствию, подобіе бушующихъ страстей чловѣка, подобіе общественныхъ во тневъ, — богатый предметъ для созерцанія художника или поэта. Но все живыя существа робко прячутся при видѣ грозной борьбы бушующихъ стихій, и съ замираніемъ сердца ждутъ конца тревогамъ. Но тихо въ природѣ, спокойно въ душѣ, мирно въ обществѣ, — тогда вѣтъ кругомъ блаженство, напоминающее тишину потеряннаго нами рая, жизнь какъ бы покрыта радостною улыбкою и всѣхъ зоветъ къ наслажденію.

Не даромъ пѣснію о мирѣ привѣтствовала рожденіе Христа Спасителя безчисленные хоры ангеловъ. (Лук. II, 13. 14).

Не даромъ и народы, согласно съ указаніями пророковъ, въ обѣтованномъ Избавителѣ ждали видѣть желаннаго *Князя мира*. Явившись на землѣ, обѣтованный Спаситель желаніемъ мира повелѣлъ апостоламъ назначать благовѣстіе о царствіи Божіемъ, когда въ первый рвзъ послалъ ихъ проповѣдывать евангеліе: ко овцамъ погибшимъ дому израилева (Матѣ. X, 13), и оставляя землю, миръ оставилъ въ наслѣдіе по себѣ въ свѣтъ, которые увѣруютъ въ Него (Іоан. XIV, 27). Цѣня блага мира, оставленнаго намъ Господомъ, церковь словами служителя Бога при каждомъ богослуженіи неоднократно передаетъ намъ благожеланіе мира, и насъ научаетъ на это благословенное привѣтствіе отвѣчать взаимнымъ пожеланіемъ. Примиренія требуетъ она отъ насъ, когда мы готовимся принести даръ ко алтарю, или принять даръ отъ Бога. И въ обществѣ люди добраго христіанскаго духа обыкли привѣтствовать другъ друга пожеланіемъ мира, встрѣчаясь на пути, входя въ домъ, отправляясь въ далекую дорогу, приступая къ совершенію какой либо работы и т. под.

Гдѣ же миръ, оставленный намъ Господомъ въ наслѣдіе по себѣ, такъ часто желаемый намъ и просимый словомъ искренняго участія, и священнымъ благословеніемъ раздающаго благодати? Не съ миромъ встрѣтила земля Того, при рожденіи Котораго восслави пѣснь мира святые небожители, и Который не съ ей съ неба потерянный ею миръ, — и Онъ владою зависти и злобы доведенъ былъ до позорной смерти. И послѣ Него жалое стадо Его, сплоченное Его именемъ и жившее вѣрою въ Него, не видѣло вокругъ себя желаннаго покоя. Тамъ, гдѣ ждали мира, гдѣ, во исполненіе пророчества, мечи должны были расковать на орала и конья на серпы, и гдѣ волкъ долженъ былъ пастись вмѣстѣ съ агнцемъ, тамъ свѣлась вражда; восходило наставаніе, и мечь посѣвалъ безоружныхъ служителей Бога. Съ распространеніемъ ученія Христова овецъ

повставалъ на сына, братъ на брата, мужъ на жену, господинъ на своихъ домашнихъ, начальники на своихъ подчиненныхъ, поднимались гоненія, неслыханныя въ исторіи, и гнавшіе христіанъ думали, что чрезъ это они совершаютъ угодное Богу. Мученическою кровью обильно орошенъ трудный и тернистый путь, на какой вызвало послѣдователей Христовыхъ исповѣданіе святаго имени Его. Затѣмъ не успѣло общество вѣрующихъ порадоваться освобожденію отъ враговъ внѣшнихъ, какъ явилась многоглавая ересь, врагъ не менѣе яростный и злобный, какъ и невѣріе, воздвигавшее на христіанъ кровавыя гоненія. Отъ одного конца христіанскаго міра до другаго она не одинъ вѣкъ волновала и расхищала церковь, раздирая святыню вѣры, угрожая часто въ имуществѣ и жизни защитникамъ православія, изгоняя ихъ изъ отечества и оставляя безъ пастыря осиротѣлыя паствы. Во всеоружіи и свѣтской и священной учености хранители святыни церковной вѣры выступали на борьбу съ заблужденіемъ, но если имъ, при пособіи Духа Божія, удавалось сразить одну главу ереси, у ней выростала другая, — отсѣвали другую, являлась третья и т. д. Это ли миръ, оставленный намъ Господомъ? Это ли времена блаженнаго покоя, какихъ ждали съ пришествіемъ обѣтованнаго Избавителя?

Но оставимъ времена давно минувшія и обратимся вокругъ себя. Кровавыя гоненія не нарушаютъ нынѣ покоя церкви, и многоглавая гидра ереси не возмущаетъ мирнаго исповѣданія вѣры. Всѣ мы ученики Христовы, и наслѣдіе, оставленное намъ Господомъ, должно бы быть умножено многовѣковымъ опытомъ. Предъ нашимъ слухомъ притомъ раздаются квалѣбные возгласы нашему времени, которое гордится тѣмъ, что въ немъ болѣе, чѣмъ когда либо, въ устроеніи общественной жизни дѣйствуютъ начала правды и любви, положенныя въ евангеліи, — начала, долженствующія сплочивать въ

тѣсный союзъ не только членовъ одного общества и государства, но и членовъ международной семьи государствъ.

Но когда мы смотримъ на открытыя поприща жизни, мы ищемъ наслѣдія Христова, — ищемъ и съ трудомъ обрѣтаемъ его.

Пойдемъ въ семейство. Семейный союзъ еще въ раю учрежденъ Богомъ для произрастанія любви и мира между людьми, и въ новомъ завѣтѣ Господь утвердилъ его своимъ благословеніемъ, поставивъ крѣпость его выше человѣческой воли. Покровъ таинственной благодати блюдетъ его цѣлостъ. Гдѣ бы жить миру, какъ не въ томъ богозданномъ и богохранимомъ приютѣ мира? Но въ наше мудреное время многими не цѣнится и не охраняется святость семейнаго начала; съ учрежденія Божія срываються и бросаются на вѣтеръ таинственные благодатные покровы; человекъ, завидуя животнымъ, присвоаетъ себѣ право необузданною волею равлунать то, что Богъ сочетаваетъ, и поруганный, осмѣянный миръ семьи, какъ изодранная ветвь, бросается часто на позоръ всѣмъ, и бросается тѣми, которые болѣе другихъ готовы хвалиться и просвѣщеніемъ и благородствомъ нравовъ. А если бы явился здѣсь ангелъ, блюститель семейнаго счастья, приставленный, по вѣрѣ нашей, къ каждому дому, и мы могли бы читать въ свиткѣ дѣлъ нашихъ, имъ записанныхъ, какую скорбную исторію раздоровъ, взаимныхъ обидъ и препирательствъ, наприговъ и обмановъ онъ разсказалъ бы намъ, указывая то на тотъ, то на другой домъ!

Изъ семейства пойдемъ въ другія болѣе широкія общества, видныя глазамъ нашимъ. Вотъ вмѣстѣ живутъ люди, приставлены къ одному дѣлу, служатъ однимъ и тѣмъ же интересамъ. Они знаютъ, что согласное дѣйствіе, какъ необходимое условіе успѣха въ ихъ работѣ. Между тѣмъ это согласное дѣйствіе далеко не повсюдное явленіе. Воспыхиваютъ на веркѣ мелкія страсти, слышатся пересуды и злословіе, — и нѣтъ же-

лаемого мира! Самолюбіе, — обычная пружина дѣятельности нашихъ кружковъ, — ослабляетъ и порываетъ нити, связывающія во едино товарищей по ремеслу. Подъ вліяніемъ этой темной силы какъ часто извращенная воля стремится создать свою славу не творческою трудовою работою, а самохвальнымъ смѣхомъ надъ другими, прошенымъ и непрошенымъ униженіемъ чужой посильной дѣятельности! И мы такіе слабые люди, что готовы рукоплескать тому, кто лучше другихъ умѣетъ поднять на смѣхъ своего ближняго, и ничего не слушаемъ и не читаемъ съ такимъ любопытствомъ, съ какимъ бросаемся на все, въ чемъ ватронута честь нашего ближняго, и чѣмъ достойнѣе этотъ ближній, тѣмъ болѣе удовольствія доставляетъ намъ открытое семействіе его.

Если мы пойдѣмъ въ тихія пристанища благочестія, и тамъ можемъ не найти мира Христова. Зависть, эгоизмъ и клевета, — враги добраго и мирнаго сожитія, — выютъ себѣ гнѣздо и между людьми, отревшимися отъ міра и своей воли, и миръ, эта кроткая голубица принуждена бываетъ оставлять свой святой пріютъ хищнымъ птицамъ, надѣвшимъ оюда отъ нищды, и блуждать кругомъ тѣхъ стѣнъ, которыя создаются для ея безопасности. Да простятъ намъ нынѣшніе посѣдышки пустынь и монастырей, если мы неосторожнымъ словомъ касаемся икъ больнаго мѣста. Мы далеки отъ того, чтобы унижать и оскорблять нынѣшнихъ подвижниковъ благочестія. И ученики великихъ Макарія и Пахомія страдали тою же болѣзнію, о какой мы упомянули, и противъ нея настоятельно указывали средства прославленные основатели иноческаго дѣлія. Изъ всѣхъ искушеній это спорѣе всего найдетъ дорогу въ пустыню, и потому оно самое опасное для инока.

Поднимемъ ли взоръ выше, — въ семью народовъ; вездѣ одна и таже картина: Правда, адѣсь давно ведутся войны о ѣмногъ мирѣ, но не смотря на постоянно увеличивающіеся

— ВѢС —

сношенія народовъ, эти войны не переходятъ въ жизнь изъ области мечтаній. Не проходитъ десятилетія, чтобы между христіанскими народами не разразилась опустошительная брань, и во всякое время непременно найдется на землѣ гдѣ либо уголокъ, въ которомъ люди съ оружіемъ стоятъ другъ противъ друга, какъ разъяренные звѣри. Цѣлыя народы не обращаютъ мечей на орада, и изощряютъ все средства къ тому, чтобы усовершенствовать орудія разрушенія и смертубійства. Не зримо являються и зрѣются вопросы, которые не разрешаются словопреніями, и въ виду ихъ народы вооружаются съ головы до ногъ всюю своею массою.

Даже въ церкви, живущей однимъ именемъ Христовымъ, и молящейся о соединеніи всехъ, въ то время, когда алмазы хлопчуть о сближеніи разрозненныхъ, являютя новыя раздѣленія, и раздѣленные стоятъ другъ противъ друга, какъ враги безъ надежды на примиреніе.

Приникнемъ наконецъ свою мыслію къ внутреннему міру каждаго изъ насъ. Намъ близкій, веселится и ликуетъ. Онъ проситъ у жизни наслажденій, онъ цѣлуетъ ихъ дорогою цѣною, цѣною здоровья и времени. Умноженныя мѣста, увеселеній, недостаточны доставить удовлетвореніе, просимъ, нажимъ. Но никуда удовольствій не убиваетъ червь грызущаго, разрушающаго природу, а только заглушаетъ боль, имъ производимую. Онъ войдетъ въ себя, тотъ чувствуетъ тяготу въ душѣ, прося въихъ высшихъ удовольствій. И когда нынѣ, получаетъ возможность говорить въ насъ, испытующая совесть, мы должны сознаться, что нѣтъ мира въ достяхъ нашихъ, и беззаконія наши, въ это время, тяжело, тяготѣютъ на насъ.

Гдѣ же мнѣ, обѣтованіемъ, котораго Господь угнѣдалъ своихъ послѣдователей? Ужель мы, растонили драгоценное достояніе, приисерное, намъ, Спасителемъ? Или оно, сокрылось

отъ насъ и мы потеряли пути, чтобы найти?—Нѣтъ, не ложно слово Божіе. Есть вѣра во имя Христово; должны быть и тѣ блага, которыя принесены Іисусомъ Христомъ и оставлены намъ въ наше утѣшеніе.

Не даю миръ даю миръ, Азъ даю миръ. Весьма обычны въ обществѣ пожеланія мира; они входятъ въ наши ежедневныя привѣтствія. Видимое знаменіе ихъ наши лобзанія и рукопожатія. Но это одна внѣшняя форма приличія, безъ силы и значенія. Миръ не родится отъ того, что мы пожмемъ другъ другу руку. А часто въ этомъ соблюденіи приличія мы грѣшимъ лицомъ; на устахъ миръ и любовь, а въ сердцахъ злобность; нерасположеніе, похѣла и предательство. Миръ Христовъ не въ словѣ, а въ силѣ. Его принимаетъ вѣрующая душа какъ благодать небесную. Онъ можетъ жить въ душѣ, и при внѣшней враждѣ другихъ и при кровавыхъ гоненіяхъ: душа, полная имъ, не теряетъ его и при страданіяхъ. Апостолы съ радостію терзали и бичеванія и заключенія за имя Христово, и внѣшняя спорба, усиленная вражда іудеевъ не нарушали благодарнаго новаго ихъ души. Съ этимъ миромъ шли на встрѣчу страданіямъ и смерти святые мученики: лилася кровь ихъ, а лице ихъ сіяло небеснымъ блескомъ, и они на столько владѣли собою, что молились за своихъ мучителей.

Этотъ миръ дается намъ въ блаженномъ чувствѣ правоты и невинности. Но такъ какъ чувство невинности и чистоты перестало быть удѣломъ потомковъ Адама, изгнанныхъ изъ Эдема, то его замѣняетъ вѣра въ прощающую и спасающую любовь Божію. Кто бы ты ни былъ, человѣкъ, въ тебѣ есть неподкупный судія, который слѣдитъ за твоими поступками, словами и желаніями, и въ слѣдъ за твоими дѣяніями преслѣдуетъ тебѣ своими приговорами и наказаніями, которымъ невольно подчиняется твоя виновная душа, отягченная вольными и невольными прегрѣшеніями или нарушеніемъ долга,

тебѣ предписаннаго Богомъ и природою. Эти наказанія, мученія самоосуждающей души, отъ которыхъ нигдѣ нельзя ни убѣжать, ни скрыться, и которыя служатъ предвѣстіемъ неизцѣльныхъ страданій ада. Въ вихрь страстей и удовольствій можетъ быть не слышенъ голосъ этого суди, но наступятъ, непременно наступятъ минуты сосредоточенія, — въ несчастіи, въ болѣзни, въ предсмертный часъ, и тогда тѣмъ тягостнѣе и страшнѣе тѣ душевныя терзанія, которыя росли незамѣтно цѣлыя годы. Еще задолго до христіанства, лишь только человѣкъ приходилъ къ самоеознанію, ему открывалось во всей ужасающей силѣ мученіе преступной души. Предъ глазами древняго человѣка, во его связаніяхъ, къ душѣ, виновной передъ Богомъ, то какъ воршунъ съ высоты являлся мучитель, вонзалъ свои лютые когти въ грудь страдальца и терзалъ его внутренности, которыя послѣ наждаго терзанія вновь выростали, и это повторялось не разъ и не два, а безчисленное множество дней и лѣтъ: кровь лилась ручьями и застывая спонялась на тѣлѣ, а палящее солнце, предъ которымъ открыта была зіяющая рана, зноемъ лучей своихъ увеличивало остроту боли, и виновный, скованный по рукамъ и ногамъ, не могъ отогнать своего мучителя, пока не пожелалъ примиренія съ разгнѣваннымъ Богомъ. То поднимались предъ виновнымъ изъ земли страшныя, грозныя чудовища; волосы ихъ переплетены змѣями; дикіе взгляды наводятъ ужасъ: въ трепетѣ бѣжить отъ нихъ виновный, а они не отступаютъ отъ него ни на шагъ и стерегутъ его день и ночь; ни сонъ, ни уединеніе не спасаютъ отъ ихъ преслѣдованій; ни утѣшенія друзей, ни видъ ликующей природы не ободряютъ смущеннаго и испуганнаго. Изъ частныхъ личныхъ ощущеній слагалось одно общее человѣческое чувство, — чувство вины, тяготящей надъ родомъ нашимъ. Голосъ этого чувства вы замѣчаете въ связаніяхъ вѣры, въ представленіяхъ искусства, въ размышленіяхъ

лучшихъ представителей челоуѣческаго сознанія, — дошедшихъ до насъ изъ глубокой древности. Стенаніе Каина братоубійцы, отчаяніе современниковъ Ноя, застигнутыхъ потопомъ, смущеніе свидѣтелей вавилонскаго столпотворенія; ужасъ жителей Содома и Гоморры и многое тому подобное, стоятъ какъ выдающіяся точки въ печальной повѣсти судебъ челоуѣческихъ и опредѣляютъ собою настроеніе цѣлыхъ поколѣній, или жившихъ темною надеждою на возвращеніе свѣтлаго золотого вѣка, или ходившихъ съ отчаяніемъ во воорѣ или сдерживавшихъ въ себѣ бесполезныя рыданія. Законъ данъ былъ избранному народу какъ свѣточъ жизни; но онъ, по слову апостола, только гнѣвъ могъ возбуждать (Рим. IV, 15); потому что силы челоуѣка не въ состояніи были понести его иго, и онъ только увеличивалъ преступленіе и виновность челоуѣка предъ законодателемъ. Но намъ дано прощеніе по силѣ жертвы Христовой. Кровь Христова омыла наши скверны, и темныя адскіе духи, мучители вицовой души, съ убійственнымъ мечомъ не смѣютъ являться въ той храминѣ, которая отмѣчена печатію крови агнца. Мы, *оправдившіеся въраю, миръ имамы къ Богу Господемъ нашимъ Иисусъ Христомъ* (Рим. V, 1). Мы сознаемъ свою виновность, но намъ дана и благодать, утѣщенія; потому что мы увѣрены, что Христосъ умеръ за нечестивыхъ, когда мы были еще немощны; потому что любовь Божія излилась въ сердца наши Духомъ Святымъ, даннымъ намъ (Рим. V, 5. 6). Искупленная, очищенная природа снова можетъ падать и возвращаться на старыя вины, которыя тяготятъ душу каждаго. Есть для насъ благодать, омывающая самыя тяжкія преступленія, и ею пользуемся мы въ тайнѣ покаянія, къ которому, въ настоящіе дни особенно, приглашаетъ насъ св. церковь. Какъ еладко и пріятно чувствовать себя свободнымъ отъ бремени грѣха, смущающаго и давящаго душу, и предвкушать блаженство мира и усыновленія Богу, которое наследуютъ чистые сердца.

Но это еще не все. Миръ свой, превосходящій всякую умъ, далъ намъ Господь нашъ въ благодати прощенія грѣховъ нашихъ; но Онъ оставилъ намъ другой миръ, — миротворящее начало для нашихъ общественныхъ отношеній. Это начало лежитъ въ самоотверженной любви, которая служитъ основаніемъ и сущностію закона христіанскаго, и по которой человѣкъ душу свою долженъ полагать за други своя. Это начало неслыханно было прежде, въ древнее время. Гордость и самолюбіе управляли древнимъ челоѣкомъ, тѣ начала, въ которыхъ корень всѣхъ раздоровъ нашихъ: Гордый и самолюбивый выше всего ставитъ свою честь и свою выгоду, и себя считаетъ средоточіемъ; къ которому всѣ должны отнестись какъ служебныя орудія. Отсюда ненасытное стремленіе къ порабощенію другихъ, въ покривію чужой чести, къ овладѣнію чужими добротами. Другой не хочетъ добровольно быть покорнымъ орудіемъ своего собрата: быть приниженнымъ предъ другимъ значило бы согласиться на безчестіе, неопосредованное для естественнаго самочувствія. Ударъ направленный оцѣнить самолюбіемъ на другого, поражаемый возвращается въ тому, отъ кого выходитъ оцѣ. Получаетъ силу при этомъ законъ возмездій, око за око, котораго завязываютъ безнравственныя нити враждебныхъ отношеній и группируется нескончаемый рядъ обидъ и браней. Какъ сильно былъ укорененъ въ древнемъ челоѣчествѣ этотъ законъ, видно изъ того, что и избранный народъ, служилъ ему. Ветховавѣтный законъ допускалъ воздавать *душу за душу, око за око, зубъ за зубъ, руку за руку, ногу за ногу, женство за женство, язву за язву, вредъ за вредъ* (Исх. XXI, 23—25). Господь нашъ, желая даровать миръ намъ, отводитъ насъ отъ застарѣлыхъ и испорченныхъ пружинокъ нашей дѣятельности и притупляетъ въ насъ жало самолюбія, убивающее согласную жизнь общества. Своимъ примѣромъ и ученіемъ, Онъ освящаетъ предъ нами смиреніе и благожелательную преданность

другимъ, даже врагамъ, до пожертвованія кровію. Онъ не велитъ намъ воздавать другимъ око за око, зубъ за зубъ, а заповѣдуетъ намъ не противиться злу. Но аще ты кто ударитъ въ десную твою ланиту, обрати ему и другую: а хотящему судитися съ тобою и ризу твою взять, отпусти ему и срачицу (Матѣ. V, 39—40). Любите ораи ваша (говоритъ Онъ), благословите клянуція вы, добро творите ненавидящимъ васъ, и молитесь за творящихъ вамъ напасть и изгоняція вы, яко да будете сынове Отца вашею, иже есть на небесѣхъ (Мат. V. 44—5). И такъ вотъ гдѣ тайна того мира, который такъ необходимъ для насъ, и который оставилъ намъ Господь нашъ. Убей въ себѣ самолюбиваго червя, грызущаго твое сердце,—уступи другому, послужи ему, откажись отъ своего блага въ его пользу,—и ты создашь вокругъ себя новое царство любви и мира. Аще алчетъ вразъ твой, у хлѣби ею аще жаждетъ, напои ею, и ты укротишь его, Онъ посягаетъ на твою честь: промолчи и претерпи предъ нимъ, и готовая ссора умереть прежде своего начала. Тяжело для нашего ветхаго чловѣка исполненіе закона любви и самоотверженія. Но трудъ, здѣсь пріемлемый, пріобрѣтаетъ побѣду и вѣнецъ никогда не увѣдающій, и малый приниженный предъ людьми, дѣлается великимъ въ очахъ Божіихъ. Если есть подвигъ въ борьбѣ, то еще болыпій подвигъ въ смиренномъ устраненіи отъ борьбы. Но мы уклонимся отъ исполненія закона Христова, и наше самолюбіе вовлечетъ насъ въ ссоры и брань. Развѣ эта брань потребуетъ отъ насъ меньшаго напряженія? А разныя неприятности, цѣлымъ роємъ возникающія при этомъ, измучатъ нашу душу и задавятъ ее, и она не найдетъ утѣшенія и въ позднемъ раскаяніи.

О, если бы начала, проповѣданія Господомъ, были основаніемъ и правиломъ нашей дѣятельности во всѣхъ сферахъ нашей жизни! Какъ прекрасно и тихо было бы жить тогда

на землѣ. Царство благодати, нами ожидаемое, было бы тогда уже нашимъ достояніемъ! Но мы ученики Христовы, а жизнь наша далеко отъ Его ученія, и блага, имъ обѣщанныя, стоятъ предъ нами, а мы не въ состояніи воспользоваться ими.

Въ виду этого чѣмъ приличнѣе всего намъ заключить свою бесѣду съ вами, какъ не пожеланіемъ всѣмъ намъ отъ лица церкви того, чтобы законъ любви Христовой воплощался въ сердцахъ и воляхъ нашихъ, и чтобъ миръ Божій водворялся въ насъ богато, къ нашему благу и спокойствію? Аминь.

В. Пльницкій.
